

Люцзин и сам сгорал от любопытства: какова же она, эта госпожа Лю? Услышав от Се Бианя, что хозяйка вернулась, он устремил взор на двери. Еще издалека донеслись испуганные выкрики слуг. Почти сразу же шум приблизился, и на пороге возник силуэт — приземистый, круглый, словно бочонок. Фигура стремительно ввалилась в комнату и коршуном ринулась прямо к Лю Цинсяну.

Тот при виде супруги мгновенно побледнел и сжался:

— Же... женушка...

Пышнотелая фурия без лишних слов ухватила мужа за ухо и яростно запричитала:

— Ах ты мерзавец! И у тебя еще хватило наглости вернуться?! Ну надо же, какой храбрец выискался! Дворецкий! Тащи с кухни самый большой тесак! Я лично посмотрю, из чего у этого подлеца печенька сделана!

Наблюдавший за этим Фань Уцзю мысленно признал полное поражение перед столь сокрушительным гневом.

— Дорогая, пощади! Смени гнев на милость, послушай сначала! — взмолился Лю Цинсян, умоляюще косясь на Люцзина.

Однако госпожа Лю лишь сильнее крутанула его ухо, заставив несчастного взвыть от боли.

— Ох... — Фань Уцзю даже съежился, а Се Биань поспешил прикрыть ему глаза ладонью, избавляя от столь душераздирающего зрелища.

Понимая, что дело принимает скверный оборот, Люцзин вмешался:

— Госпожа Лю, умоляю, пощадите его!

Только осознав, что голос принадлежит не ее незадачливому супругу, женщина замерла и с удивлением уставилась на гостя. Разглядев ее лицо, Люцзин едва сдержал вздох потрясения. Госпожа Лю была не просто низкорослой и тучной — природа обделила ее красотой самым жестоким образом. Левую щеку почти полностью закрывало огромное темное родимое пятно. Слишком кустистые брови, крошечные, глубоко посаженные глазки и заплывшее жиром лицо довершали картину. Как мужчина Люцзин мгновенно преисполнился сочувствия к хозяину дома и сразу понял, почему тот, прекрасно зная о неизбежной расплате, все равно сбегал в веселые кварталы.

Меж тем гневное выражение на лице хозяйки уступило место плотоядному восторгу, стоило ей разглядеть юношу. Она хищно прищурилась, словно перед ней предстало невиданное сокровище.

— Ох, какой пригожий молодой барин! — воскликнула она, мгновенно сменив гнев на милость.
— Ладно, Лю Цинсян, на сей раз прощаю. Хотя какая-то от тебя польза — ухитрился присмотреть нашей дочке такого красавца!

Се Биань и Фань Уцзю опешили от столь стремительного полета женской мысли.

Торговец и вовсе лишился дара речи. Насилу придя в себя, он пробормотал:

— Помилуй, жена... Ты бы хоть ухо мое отпустила, люди же смотрят.

Госпожа Лю, хоть и проворчала что-то недовольно, хватку все же ослабила:

— Какие еще люди? Без пяти минут зять!

Заметив, как потемнело лицо Люцзина, Лю Цинсян испуганно замахал руками:

— Полно тебе чепуху молоть! Не смущай гостя. Этот молодой господин — мой почтенный деловой партнер, мы с ним весь вечер вели важные переговоры.

Женщина с подозрением прищурилась:

— И впрямь деловые переговоры? Не врешь?

— Да как у меня язык повернется тебя обмануть, душа моя! — взмолился муж с видом глубочайшей несправедливости.

— Позвольте подтвердить его слова, сударыня, — вежливо вмешался Люцзин, стремясь разрядить обстановку. — Между нами произошло чистое недоразумение. Разногласия лучше решать миром, а хвататься за ножи... право слово, не к лицу столь почтенной даме.

Прямых улик у нее не водилось — лишь слухи о том, что мужа видели у ворот веселого квартала. Поймать его с поличным не удалось, да еще и при постороннем благородном юноше срам устроила. Почувствовав неловкость, хозяйка поспешно напустила на себя благодушный вид:

— Ах, молодой барин, не судите строго! Мы с супругом так шутим, забавляемся просто.

Лю Цинсян облегченно перевел дух.

— Вот и славно, что ты вернулась, дорогая. Как раз хотел обсудить с тобой одно крайне выгодное предложение господина Люцзина, — суетливо проговорил он, усаживая жену на свое

место и услужливо поднося ей чашку с чаем, из которой сам только что пил.

Та привычно приняла чашу. После столь бурной сцены у нее и впрямь пересохло в горле. Сделав глубокий глоток, она благосклонно кивнула:

— Присаживайтесь, господин Люцзин.

— Премного благодарен, — ответил юноша, возвращаясь на стул.

Вернув пустую чашку мужу, госпожа Лю перевела деловитый взгляд на гостя:

— Так о каком деле идет речь?

— Мне доводилось слышать, что глава почтенного семейства Цюй страстно увлечен коллекционированием древностей и собирает редчайшие сокровища со всех уголков поднебесной, — неторопливо начал Люцзин. — Ваш покорный слуга разделяет это увлечение, однако, будучи чужестранцем, не имеет прямого доступа к господину Цюю. Потому я и пришел просить содействия у многоуважаемого господина Лю.

Хозяйка дома понимающе усмехнулась:

— А ты сообразителен, юноша. Понимаешь, что к Цюю без нашего слова не подступиться. Свести вас, конечно, можно, дело нехитрое. Да только требования у него непомерно высоки. Есть ли у тебя...

Она намеренно не договорила, давая понять цену вопроса. Люцзин тонко уловил намек.

— Правила приличия мне хорошо знакомы, — с мягкой улыбкой произнес он. — Позвольте узнать, сгодится ли это в качестве подношения?

Чтобы окончательно развеять их сомнения, он достал из широкого рукава артефакт Сюаньли, который до этого бережно хранил при себе.

Стоило драгоценности показаться на свет, как комнату затопило волшебное сияние. Оно исходило из самой глубины чистейшего камня, мгновенно затмив тусклый свет восковых свечей.

Супруги оцепенели. То, что гость запросто носил в кармане бесценное сокровище величиной с кулак, лишило их дара речи. Они во все глаза уставились на переливающийся артефакт.

— Это... это же... — только и смог выдавить Лю Цинсян.

Понимая по их алчным, немигающим взглядам, что цель достигнута, Люцзин поднялся, подошел к столу и мягко вложил сияющий камень в руки хозяйки.

— Прошу вас, госпожа Лю, оцените сами: достоин ли сей скромный дар того, чтобы открыть передо мной двери Поместья Цюй?

Разве могло не хватить? Сюаньли размером с кулак, источающий приятную прохладу и ослепительный блеск, свидетельствовал о поистине царском происхождении владельца. Такими вещами не разбрасываются.

— Желает ли молодой господин сопровождать моего супруга на предстоящую выставку древностей? — уже совсем другим, вкрадчивым тоном осведомилась хозяйка.

Вернувшись на свое место, Люцзин небрежно раскрыл веер.

— Для меня это было бы величайшей честью.

Бережно приняв камень обратно обеими руками, Лю Цинсян с глубоким почтением обратился к гостю:

— Позвольте узнать, где остановился благородный господин? Выставка состоится лишь послезавтра. Если не побрезгуете скромным приютом, не сочтите за труд остаться в нашем доме на эти два дня.

Юноша для приличия попытался возразить:

— Что вы, как я могу злоупотреблять вашим гостеприимством?

— Полно вам, — радушно отмахнулся хозяин. — Принять у себя столь важного гостя — огромная радость для нас.

Видя, что отказываться далее будет невежливо, Люцзин сложил веер и слегка поклонился:

— В таком случае примите мою искреннюю благодарность. Однако со мной прибыли двое названных братьев...

Заложив левую руку за спину, Лю Цинсян самодовольно погладил пальцами тонкие усы:

— Раз это ваши спутники, зовите их немедленно. Места хватит всем.

— Премного благодарен, — вновь поклонился Люцзин.

Хозяин тотчас велел слугам отправиться в «Обитель дум о питье» и привезти дорогих гостей. Находившиеся все это время рядом Се Биань и Фань Уцзю, убедившись, что сделка скреплена, бесшумно растаяли в воздухе и вернулись в трактир, дабы дожидаться официального приглашения.

Когда посланные слуги доставили братьев в поместье Лю, Люцзин представил их хозяевам. Вновь прибывшие выглядели столь же величественно: дорогие шелка, изящные пояса и благородная осанка окончательно убедили супругов, что перед ними — отпрыски знатнейших родов.

Разгадав их мысли, Люцзин лишь снисходительно улыбнулся, не став ничего разъяснять.

Гостей поселили в уединенном уютном дворике. Три жилых флигеля располагались здесь полукругом, образуя аккуратное замкнутое пространство.

Слуги зажгли светильники, заварили свежий чай и покинули комнаты. Стоило шагам прислуги затихнуть, как Се Биань и Фань Уцзю тихонько постучались к Люцзину.

— Ну и ну, эта госпожа Лю — сущий кошмар во плоти, — едва переступив порог, шепотом поделился впечатлениями Фань Уцзю.

— Се Биань прав, этих супругов недооценивать не стоит, — ответил Люцзин, разливая ароматный горячий чай по пиалам.

— Я только и успел заметить, как ловко она его приструнила, — поежился Фань Уцзю. — Вы видели, как у бедняги распухло ухо? Мне самому больно стало.

— Лю Цинсян боится ее не только из-за скверного нрава, — рассудительно заметил Се Биань, принимая чашу. — Эта женщина обладает железной хваткой и незаурядным умом. Иначе какой мужчина стал бы терпеть столь сварливую и неприглядную супругу?

Люцзин согласно кивнул. Прежде он удивлялся рабской покорности торговца, но после недавнего разговора все встало на свои места.

— Что ж, первый шаг сделан, хозяева усадьбы у нас в руках. Остается лишь дожидаться послезавтрашнего дня.

В мире смертных ночь дышала глубоким покоем. Вдали от шумных городских кварталов, здесь, в глубине усадьбы, тишину нарушал лишь мерный стрекот цикад.

— Время позднее, пора и честь знать, — негромко проговорил Люцзин, отставляя чайник.

Фань Уцзю вежливо притворил за собой дверь, отсекая ночную прохладу и стрекот насекомых.

Снаружи до Люцзина донеслись их приглушенные голоса:

— Старина Седьмой, пусти к себе переночевать?

— С какой стати? — слышался холодный и спокойный ответ Се Бианя.

— Ну пожалуйста... Мне сегодня до смерти жутко стало, боюсь, кошмары замучают, — жалобно протянул Фань Уцзю.

Люцзин тихо хмыкнул. Этот Фань Уцзю — истинное дитя, неудивительно, что Се Биань так к нему привязан.

«Странное дело, — подумал он, укладываясь в постель. — Чужие чувства видишь как на ладони, а в собственных разбираешься не лучше дурака».

Почесав затылок и так ничего и не решив, он просто закрыл глаза и провалился в сон.

Наутро Люцзин наконец встретил ту самую дочь, о которой вчера так гордо твердила хозяйка. Перед ними предстала юная дева в легком платье нежно-желтого цвета. Облик ее дышал весенней свежестью и изяществом. Волосы, собранные в аккуратную прическу с яркими заколками, мягкими волнами ниспадали на плечи, придавая ей живой и цветущий вид.

Се Биань и Фань Уцзю невольно переглянулись в крайнем недоумении. Сложно было поверить, что у столь неказистой четы могла родиться столь прелестная дочь.

Однако девушка весело порхала вокруг родителей, ласково щебеча и обнимая мать, так что гостям оставалось лишь признать собственную предвзятость.

— Господа, позвольте представить вам мою дочь, Лю Ли, — с нескрываемой гордостью провозгласил Лю Цинсян.

Окинув гостей быстрым взглядом, девушка мгновенно вспыхнула густым румянцем и чинно склонилась в приветствии:

— Ли-эр рада приветствовать благородных господ.

Смертные, в отличие от обитателей преисподней, не умели скрывать смущение — ее

зардевшиеся щеки и робко опущенный взор невольно тронули сердца трех спутников.

— Приветствуем вас, молодая госпожа, — вежливо отозвались они, поклонившись в ответ.

— Дитя мое, у нас с матерью неотложные дела на красильне, — обратился к ней отец. — Сегодня тебе надлежит развлечь наших гостей. Молодой барин Люцзин и его названные братья впервые в Южном округе, так что покажи им город как следует.

Выставка должна была открыться лишь завтра, и Люцзин понимал, что излишняя поспешность с визитом в Поместье Цюй вызовет лишь подозрения. Раз уж хозяева усадьбы уходили по делам, следовало проводить их со всеми почестями.

— Не беспокойтесь о нас, почтенный господин Лю, — заверил его Люцзин. — Занимайтесь своими делами.

Муж и жена обменялись заговорщическими взглядами. Госпожа Лю трижды ободряюще похлопала дочь по ладони, и лишь после этого супруги покинули залу. Самому Люцзину до праздного осмотра города не было никакого дела — ему хотелось поскорее покончить со здешними хлопотами и вернуться в Подземное царство. Если они задержатся слишком долго, Цзюцин непременно заподозрит неладное, а увильнуть от его расспросов будет крайне непросто.

Стоило родителям скрыться за воротами, как Лю Ли робко шагнула вперед. Однако подошла она почему-то напрямик к Се Бианю. Рядом с его высокой, статной фигурой девушка казалась совсем крошечной.

— Господин Люцзин, — обратилась она к нему, очаровательно улыбаясь. — Батюшка велел мне позаботиться о вас. Раз уж вы впервые в наших краях, позвольте Ли-эр стать вашим проводником. Вы прибыли в добрый час — как раз сейчас в городе проходит выставка хризантем.

От этих слов Люцзин и Фань Уцзю так и застыли с разинутыми ртами. Даже вечно невозмутимый Се Биань слегка изменился в лице. Он хотел что-то сказать, но, так и не найдя подходящих слов, он предпочел промолчать.

Видя, с каким неприкрытым восхищением девица разглядывает его названного брата, Фань Уцзю ощутил укол жгучей ревности. словно кто-то посягнул на самое его сокровенное сокровище. Он крепко ухватил Се Бианя за рукав и, ткнув пальцем в сторону Люцзина, поспешил поправить хозяйку:

— Юная госпожа, вы ошиблись. Господин Люцзин — вон тот, у окна.

Осознав свою оплошность, Лю Ли смутилась еще сильнее:

— Ох... Простите... Я... я не хотела...

Люцзин деликатно кашлянул, спасая положение:

— Пустяки, не стоит извинений. Позвольте представить моих спутников: это Се Биань, а это Фань Уцзю.

После неловкой паузы девушка, упрямо проигнорировав остальных, вновь обратилась к Се Бианю:

— Раз так... чего бы хотелось господину Се?

Даже слепец разглядел бы, куда клонит молодая хозяйка. Люцзин весело подмигнул другу:

— Ну что, Биань? Раз уж в Поместье Цюй мы попадем только завтра, почему бы действительно не прогуляться сегодня по городу?

Тот, обладая тонким умом, прекрасно понял намек:

— Что ж, ничего не поделаешь. А ведь я надеялся покончить с делами пораньше.

Лю Ли унаследовала от родителей острый ум, однако житейского опыта ей явно не доставало:

— Вы ищете встречи со старым господином Цюем? Сама я едва ли смогу провести вас в Поместье Цюй, но молодой господин Цюй — мой хороший приятель. Если вы сойдетесь с ним, то и к его родителю дорогу найдете без труда.

Переглянувшись, Люцзин и Се Биань не поверили своей удаче.

— Неужели молодая госпожа согласна представить нас молодому господину Цюю? — оживился Се Биань.

Девушка приветливо улыбнулась:

— Зачем же так официально? Зовите меня просто Ли-эр.

Се Биань растерянно хмыкнул, а Люцзин поспешно потер кончик носа, скрывая широкую ухмылку. Что же до Фань Уцзю, то он, нахохлившись, продолжал мертвой хваткой цепляться за рукав своего Седьмого брата.

<http://bllate.org/book/18339/1866241>